

В. В. РЕШЕТОВ

О НАМАНГАНСКОМ ГОВОРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Узбекский национальный язык объединяет представителей различных узбекских говоров, генетически связанных с теми тюркскими языками, которые сейчас выступают на территории Средней Азии и Казахстана в качестве самостоятельных национальных языков. В силу этого изучение диалектного комплекса узбекского языка сопряжено с большими трудностями, особенно в сравнительно-историческом плане, поскольку предварительное описание отдельных говоров и диалектов далеко еще не закончено. Осложняется положение и тем, что совершенно отсутствуют исследования об узбекских родо-племенных группах, вошедших в состав узбекского народа.

Изучение исторического процесса сложения узбекского народа, исследования в области народных говоров и диалектов могут быть эффективными лишь при совместных усилиях историков, этнографов и лингвистов. Только при таком изучении можно правильно осветить вопросы истории и диалектологии узбекского языка, определить его место в ряду родственных тюркских языков, проследить этапы его развития от языков родовых и племенных до языка узбекской социалистической нации, вскрывая основное назначение языка как средства общения.

В историко-лингвистическом отношении узбекский диалектный комплекс включает в себя, следуя классификации проф. С. Е. Малова¹, новые и новейшие тюркские языки, составляющие две большие группы:

1) йекающие говоры с рядом типов и подтипов, относящиеся к карлукской группе тюркских языков² и

2) джекающие говоры, историко-сравнительное изучение которых приводит к особенностям кыпчакской группы тюркских языков, местами модернизированной в силу ряда социально-экономических причин.

Наибольшей пестротой отличаются йекающие говоры. Известная часть их (хивинские и некоторые другие) сохраняет ряд огузских показателей; самаркандско-бухарский тип — яркий пример исторических взаимодействий двух принципиально отличных языковых систем — узбекской (тюркской) и таджикской (иранской); наманганский говор характеризуется наличием некоторых фонетических черт и морфологических признаков, свидетельствующих о наличии уйгурских элементов.

Оставляя пока в стороне детальное выявление исторического процесса образования наманганского говора, позволим себе лишь обратить внимание на те фонетические явления и грамматические формы,

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 5—7.

² Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. „Известия АН СССР“, 1952, т. XI, вып. 2, стр. 128—130.

которые отсутствуют в йекающих говорах, положенных в основу литературного узбекского языка. Однако уже сейчас нельзя умолчать о некоторых обстоятельствах, которые помогают раскрыть историю формирования наманганского говора.

1. Образование города Намангана приписывают Абдулле-хану бухарскому и относят примерно к 1582 г. Первыми его поселенцами являются якобы иранцы и представители рода Ага из Кашгара¹.

Если допустить, что эти показания верны, то нужно признать, что наманганский говор сложился в результате гибридизации, которая продолжалась в течение трех с половиной столетий и привела к полному исчезновению иранской речи, заменившейся современным наманганским говором. Аналогичный процесс (скрещивание двух различных языковых систем) прослеживается в различных районах Узбекистана. Этот процесс приводит к исчезновению одного из скрещивающихся языков или временно к двуязычию, как это можно видеть на примере Самарканда, Бухары, Ленинабада, Чуста и некоторых других более мелких населенных пунктов, где в практике речевого общения на равных правах выступают и узбекский и таджикский языки.

Узбекско-таджикские языковые взаимоотношения являются ярким примером, опровергающим антимарксистские утверждения Марра и его „учеников“, представлявших процесс скрещивания языков в виде единичного акта решающего удара, в результате которого будто бы происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому.

„Совершенно неправильно было бы думать, — говорит И. В. Сталин, — что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них“². „... Скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития“³.

То же происходило и в истории формирования подавляющей части городских узбекских говоров. С учетом этих принципиальных положений может быть решена судьба каждого говора в отдельности, при этом на первый план нужно выдвинуть законы внутреннего развития языка, а не приводящие факторы, как это склонны были делать отдельные исследователи. Достаточная устойчивость звуковых и грамматических норм говора позволяет проследить внутриязыковые процессы и установить по данным языка условия возникновения говора, привлекая при этом и надежные исторические сведения.

Махмуд Кашгарский подчеркивал, что на самом чистом тюркском языке говорят те племена, которые не знают другого языка и не привыкли к посещению городов. „Чистоту тюркской речи“ он отмечает у киргизов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма, джикиль, эграк и жарук. „У знающих два языка и посещающих города в язык проникло смягчение, как, например: *судак*, *кенжак* и *аргу*“⁴. *Судак* — согдийцы, население Согдианы; *кенжак* — жители Восточного Туркестана.

¹ Ср., напр.: И. И. Гейер. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909, стр. 253.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 29.

³ Там же, стр. 30.

⁴ كتاب ديوان لغات الترك (Словарь М. Кашгарского). Стамбул, 1914, стр. 29.

2. Для истории узбекского языка весьма существенной оказывается караханидская эпоха. С ней связаны особенно мощный приток тюркских племен в Мавераннахр и появление произведений, имеющих отношение к истории и диалектологии узбекского языка. Несомненный интерес представляет третий список „Кутадгу-билик“, найденный в Намангане. В связи с этим наманганские говоры нуждаются в тщательном лингвистическом обследовании, поскольку основная масса их до сих пор сохраняет значительные диалектные особенности как со стороны фонетики, так и в части отдельных морфологических образований. Напомним, что Махмуд Кашгарский отличал древнейгурский язык (язык памятников древнейгурской письменности) от „кашгарского“ языка караханидской эпохи. Последний, как известно, оказал влияние на развитие староузбекского языка до Алишера Навои.

3. Сохранение в течение веков в наманганском говоре некоторых, не свойственных прочим говорам, фонетических признаков (см. ниже) свидетельствует не о влиянии „нового уйгурского, т. е. тарачинско-кашгарского языка“¹, а о наличии несомненного уйгурского элемента в составе говора, который в процессе смешения (гибридизации и метисации) оказался устойчивым и продолжает бытовать в языке вплоть до наших дней. Фонетические и морфологические особенности настолько резко выступают, что даже малоопытное ухо очень легко отличает литературную речь от диалектных особенностей наманганского говора.

1. НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

Систему наманганского вокализма представляем в следующей таблице:

Подъем	Переднего ряда		Индифферентные		Заднего ряда	
	негубные	губные	негубные	губные	негубные	губные
Верхнего подъема	(i)	ï	ɤ	(y)	(ɨ)	u
Верхне-среднего подъема	e	ö		(o)		o
Нижне-среднего подъема	ɛ					
Нижнего подъема	ä				a	ä

Вокализм наманганского говора отличается от вокализма литературного узбекского языка (resp. тех узбекских говоров, которые нормируют произношение на всей узбекской территории) наличием фонем *ï, ö* в ряду гласных переднего ряда². Особых замечаний заслуживает звук *e*.

¹ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 21.

² Характеристику вокализма литературного узбекского языка см.: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 15—17; В. В. Решетов. Современный узбекский язык. Ташкент, 1950, стр. 10—11.

Несмотря на наличие контрастирующих пар по горизонтально-язычному укладу, данный говор не может считаться сингармонистическим в силу отсутствия лингвально-сингармонистических чередований в аффиксах (примеры *passim*). Что же касается губно-сингармонистических чередований, то в этом отношении наманганский говор значительно отличается от ташкентского и маргеланского, например: *йўйўрўб* 'он бегал', *қорқуттун* 'ты испугал', *бёр қўллўғ авқат* 'продолговать на один день', *ойунун* 'твоя игра', *чал сўйўнўп* 'старик обрадовавшись', *қолуну* 'его руку', *қолуга чўшўп* 'попав в его руки', *толғўзўп беддў* 'наполнил', *тўрўптў* 'он стоит', *тўттўм* 'я поймал', *кўрўн* 'смотрите', *оттўм* 'я проехал', *олтўрўптё* 'он сидит'.

1. Гласные верхнего подъема. Индифферентный гласный *э* мало чем отличается от соответствующего звука прочих йекающих узбекских говоров, в первую очередь от аналогичного звука ташкентского говора.

Гласный *э*, являясь результатом конвергенции *ы* и *и* (как следствие сокращения сингармонизма), в различных словарных позициях комбинаторно варьирует между передним и задним *ы* обоих своих исторических источников. Наиболее задний оттенок, акустически близкий к заднеязычному *ы*, обнаруживается в непосредственном соседстве с глубоко-заднеязычными *қ* и *ғ*, а частично и в словах с задним вокализмом вообще; ср., например: *қыш* 'зима', *манъ қўзъмъ* 'мою дочь', *қырғъзыстан* 'Киргизстан', *қылъч бъллән экъкъ нъмтә қылдә* 'он мечом рассек тушу пополам', *қьрғ эл* 'сорок лет', *эсььғ* 'горячий', *чъқьп* 'выдья'.

Статистически в говоре преобладает более передний вариант фонемы *э*. Встречается он даже в соседстве с заднеязычными согласными; ср., например: *бәлэқнэ* > *белэғнэ* > *бэлэхнэ алдук* 'мы взяли рыбу'.

В связи с общей кратностью звука *э* оглушение и редукция его отмечается в тех же позициях, что и в ташкентском, маргеланском и других йекающих говорах, например: *олдэръш* 'убийство', *амаллә айэръштә* 'в проведении в жизнь', *тарэхъ* 'исторический', *бэр* 'один', *хаддар* < *хардар* 'покупатель', *йакъ* 'или', *шэркълергә охишш* 'похожий на своих товарищей'; ср. аналогичное явление в исходе настоящего-будущего времени и в условиях Sandhi: *болә : дэ* 'он будет', *эқлмә : йдэ* 'не сеется', *шәлпайалардә* 'рисовые поля'.

В ряде случаев отмечается чередование *е* || *э*, например: *бэрас* || *берәс* 'немного', *тэрг* || *терэғ* 'живой', *умэт* || *умет* 'надежда'.

Появление звука *е* вместо *э* отмечено и в соседстве с глубокозаднеязычными согласными, например: *қерқ элдән берэ* 'вот уже сорок лет', *бекэньдән* 'из бока'.

В последнем открытом слоге обнаруживаем звук типа *ё* (= „ё“ в МФА): *қалдә* 'он остался', *эқкәнчә* 'второй', *йүчүнчәсә* 'третий', *бэрәнчә* 'первый'.

Чередование *э* || *йү* прослеживается во втором слоге: *алтүн* || *алтән* 'золото', *хәтүн* || *хәтән* 'женщина', *темүр* || *темэр* 'железо', *бәбүр* || *бәбүр* 'Бабур' (имя собственное)¹, *ахүр* || *ахэр* 'ясли, кормушка для

менный узбекский язык. Ташкент, 1946, стр. 3—10; В. В. Решетов. Общая характеристика особенностей узбекского вокализма. Сб. „Гил ва адабиёт институти асарлари“, Ташкент, вып. 1, стр. 15—36.

¹ Заметим, что в орфографии современного узбекского языка принята форма „Бобир“, *غياث الغات* свидетельствует о наличии губного гласного во втором слоге.

скота'. Эти формы выступают на правах фонетических дублетов. Спорядически делабиализация $y \parallel \dot{y}$ приводит к закреплению \dot{y} в различных словарных позициях: *қабъл қълдѣ* 'он принял', *йѣрӑгьмдӑ* 'в моем сердце', *тѣрпӑг* 'земля', *йѣмӑлӑйвердѣ* 'продолжал валять'. Это же явление прослеживается и в выражении: *ундӑн кегӑн > ьндӑкегӑн > ьнӑнкегӑн > ьнӑкӑн* 'после того'. В последнем примере отмечен максимально краткий звук \dot{y} , стремящийся к нулю.

Ср. еще: *бейдӑ* 'здесь', *бѣйегӑ* 'сюда', где *бе* и *бѣ* восходят к *бу*.

В широких размерах осуществляется редукция гласных нижнего подъема, что приводит к появлению звука \dot{y} во втором и последующих слогах, например: *болъдѣгӑн* 'будущий', *қамъгӑн едѣ* 'не осталось', *кӑл восӑйӑм сӑйлъдѣ* 'она выбрала' (его), хотя он был плешивым, *душмънь болӑн* 'был у него враг', *мӑслъхӑт* 'совет', *мӑсӑлсӑдӑ* 'по вопросу', *мӑслъдӑн бѣттӑсѣ едѣ* 'был один из вопросов', *ѣшӑп чѣқаръш нӑтѣ-жѣсӑдӑ болӑ: дѣ* 'бывает в результате производства', *ернь йумишѣтӑдӑ* 'размягчает землю', *откъзӑдӑ* 'проводит', *тӑзӑлӑп берӑ: дѣ* 'очищает', *чегӣрӑсѣ* 'граница', *чегӣрлӑнъдѣ* 'граничит', *нъччѣ (нъчѣ) пӑл* 'сколько денег', *нъччѣ ѣл* 'сколько лет'¹.

Ср. в словах: *печлърнь* 'печи', *механъз(м)лъшӑп* 'механизировав'.

В отношении губных гласных верхнего подъема необходимо сказать следующее:

а) звуки *y* и *ÿ* употребляются в любой позиции в слове: *йӑр* 'иди', *йӑрӑлӑдѣ* 'сможет идти', *йӑгӑрӑп йӑддѣ* 'он бегал', *кӑл'рӑн* 'серого цвета', *кӑч* 'сила', *тӑпрӑг* 'земля', *он кӑллуӑ йол* 'десятидневный путь', *қулай* 'удобный', *қорқуттун* 'ты испугал', *чӑл сӑйӑнӑп* 'старик обрадовавшись', *қолуӑ чӑшӑп* 'попав в руки';

б) в ряде словарных позиций, особенно в аффиксах, появляется индифферентный звук, промежуточный между *y* и *ÿ*: *тӑхӑм* 'яйцо', *шӑлӑгӑ* 'этим', *толғузӑп беддѣ* 'он наполнил', *тӑрӑпту* 'он стоит', *тӑттӑм* 'я поймал', *йӑрӑн* 'идѣмте', *кӑрӑн* 'смотрите', *йӑпӑш керӑ* 'нужно закрыть', *келтӑрӑн отӑнӑн* 'дрова, принесенные тобою', *кӑтӑртӑрӑп* 'приподняв'.

Закрепление данного звука, как и индифферентного звука *o*, следует отнести за счет влияния соседних говоров, в которых звуки *ÿ* и *o* выступают в качестве самостоятельных фонем, и литературного узбекского языка.

Оглушение и редукция фонемы *y* и *ÿ* отмечаются в тех же позициях, что и в маргеланском говоре, например: *тӑзӑлӑшӑ* 'устройство', *бӑлӑрдӑн* 'от них', *чӑмӑл* 'муравей', *тӑрӑп* 'встав'.

Обращаем внимание на появление $\dot{y} < a$ (resp. $\dot{y} < \grave{a}$) в соседстве с губно-губным *ѣ*, например: *жӑвӑб белмӑсӑн* 'если ты не ответишь', *бежӑвӑб* 'без ответа, без разрешения'; *савӑлӑнгӑ жавӑб* 'ответ на твой вопрос'. Произношение *жӑвӑб* \sim *жавӑб* отмечено у одного и того же лица; ср. в ташкентском говоре — *жавӑп* \sim *жӑвӑп*; случай антиципации — *мӑхсӑлӑт* $<$ *махсӑлӑт* 'продукция'.

У отдельных лиц в некоторых грамматических формах наблюдается модификация звуков *y* и *ÿ* в сторону соответствующих гласных верхне-среднего подъема, например: *қълӑттѣ* 'делает', *ӑқп келӑттѣ* 'подплывает', *кӑддӑкѣ бѣр қӑс йӑтӑптӑ* 'видит, что лежит одна девушка'.

¹ Ср. в уйгурском языке: Н. А. Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка. Уйгурско-русский словарь, составили Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. М., 1939, стр. 179; А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 8.

Однако статистически преобладающим в аффиксах является гласный верхнего, а не верхне-среднего подъема.

В слове „дом“ — лит.-орфограф. *уй*, так же как в уйгурском языке и в ташкентском говоре, находим *ö*, а не *ü* — *öйгә кәргәндә* 'когда вошел в дом', *жувалдос* 'толстая игла' (для сшивания мешков), *моҳлат бер дай срок*.

2. Гласные верхне-среднего подъема. Негубная гласная фонема *e* реализуется как весьма закрытый звук типа *э*. При ее произношении рот значительно прикрыт — она столь же закрыта, как, например, ташкентское или маргеланское *e*, например: *безгак* 'лихорадка', *еркак* 'мужчина', *тевасда* 'наверху', *келмүттө* 'он не приходит' (не идет), *ештмүттө* 'он не слышит', *астә-секэн* 'медленно', *тегсам* 'если я трону', *кенәйдө* 'расширился'.

В быстрой речи *e* чередуется с *э*, например: *манъ х'эч тапалмасүн* 'пусть он совершенно не сможет меня найти', *х'ыштәма йоқ* 'ничего нет', *эзүчәсәй* 'угнетателю', *көрмәс эдә* 'он не видел', *дәп буйурдә* 'он приказал', *бар-эдә* 'был', *кал-эдә* 'был плешивым', *дәйдә* 'он говорит'.

В некоторых грамматических формах *e* то выпадает в произношении (*манна түшкән-мәс* 'мне не попадался'), то сохраняется (ср.: *чекәнши емес едә* 'было не отступление'), а часто переходит в *ä* (см. ниже).

Укажем и на случаи лабиализации *e*: *дөб эдәм* > *дө: дэм* 'я говорю', *нүчү:* < *нүчүк* || лит.-орфограф. *нечик* 'как'.

Губные фонемы *o* и *ö* в основах сохранены в говоре в своем прежнем интактном виде, например: *көп хәпә волдә* 'сильно обиделся', *көзү* 'его глаза', *көрнүр* 'показывается, виднеется', *х'өкүз* 'бык', *өсүмлөк* 'растение', *бөләг* 'другой', *өттүм* 'я пришел', *чөлмә-чөл* 'степями', *ошаган* 'похожий', *ормән* 'лес'.

Процесс конвергенции *ö* × *o* в звуке *ö* прослеживается в говоре. Однако еще нет достаточных оснований относить *ö* к принципиально отличным звукотипам и рассматривать контрастирующую пару *ö* и *o* как его комбинаторно-позиционные варианты.

3. Гласный ниже-среднего подъема *e* реализуется как звук промежуточный между *e* и *ä* и является характерным для намаганского говора.

Звук *e*, являясь специфической принадлежностью намаганского говора, появляется на месте *ä/a* в различных словарных позициях, например: *асәсә: безгәпә манна шу* 'вот основная задача', *сәнерә* 'подобный', *келәт* 'ключ', *беләк* > *беләх* 'рыба', *беләкчәләк* > *беләхчәләк* 'рыболовство', *епләрән* 'говорите', *нәмесә* 'что', *асәлә* 'его мед', *ерәл* 'р' 'осы' (но *асәл ерәләр* 'пчелы'), *душмәнә* 'его враг', *нәзергәйәсә* 'его теория', *х'эмәт етедә* 'служит', *болә: дә* 'будет', *кәчүшә: дә* 'убегают', *әпкелә: дә* 'принесет', *таркәтә: дә* 'он распространит', *көрсетә: дә* 'он покажет'.

Ср. еще: *көрмә: йдә-дә:* 'не видит и...', *шу-дә:* 'этот же'.

Факультативно-спорадически звук *e* встречается и в других узбекских говорах, например в ташк.: *бардә-дә...* 'ходил и...', *әлдә-дә...* 'он взял и...'; в маргеланском: *шләмәйдә* 'он не работает'; в говоре кышлака Вуадиль, джекающих (кураминских): *қолун жаман кәседү* 'сильно порежет твою руку'.

4. Гласные нижнего подъема *ä*, *a* и *ä* по своим физиологическим качествам не отличаются от произношения соответствующих гласных звуков маргеланского говора. Частота употребления их по говорам различна в силу специфических особенностей каждого говора.

Так, например, звук *a* в наманганском говоре встречается гораздо чаще, чем в маргеланском, поскольку в последнем употребление его ограничено позицией смежности с глубокозаднеязычными согласными¹. Звук же *ä* в маргеланском говоре употребляется значительно чаще, чем в наманганском, так как в определенных словарных позициях наманганское *ä* (resp. *a*) реализуется в виде *e*, и, наконец, частота употребления звуков *a* и *ä* в ташкентском говоре превосходит частоту употребления данных звуков в наманганском и маргеланском говорах.

Гласные *ä*, *a*, *ä* в наманганском говоре встречаются в любом слове и в различных звукосочетаниях.

Примеры на *ä*: *кäsäl* 'больной', *кäsälläy: dʒ* 'заразит', *кättä* 'большой' (отмечен и ташкентский вариант в виде *кättä*), *мәм-берämän* 'я дам', *мәмләкät* 'государство', *сävз* 'морковь', *зһкәр* 'внутри', *нätһнжäsдä* 'в результате', *хәрқандай* 'каждый', *äхальс* 'население', *шәрәт* 'условие', *тәләп* 'требование', *сәвәткә* 'в корзину', *äйр жувәб беммäsän...* 'если ты не ответишь...'

В некоторых словосочетаниях и грамматических формах находим *ä* < *ъ* или *ä* < *e*: *онäkъ äй* 'двенадцать месяцев', *онäkънчъ* эл 'двенадцатый год', *теккән-әмäs* 'он не попал', *бомсәкән* < *болмäs экән* 'он, оказывается, не будет'.

Ср. еще случаи *ä* < *ъ* в следующих словах: *жәхәттән* 'со стороны', *тәбәйтән* 'природу', *мәнәпес* < *манифест*.

К исключениям, которым затруднительно в пределах определенной, тесно локализованной группы говоров дать удовлетворительную мотивировку, относятся случаи, где вместо ожидаемого *a* находим *ä* при наличии в слове глубокозаднеязычных согласных, например: *хәбәр беддә* 'оповестил', *мәхсәт* < *мәқсәт* 'цель', *кәмбәғалә* 'бедняку'².

Примеры на *a*: *вахт* < *вақт* 'время' || ташк. *вахт* < *вақт*, *қарға* 'ворона', *ғарб* 'запад', *нақулай* 'неудобный', *қарап олтурүптү* 'смотрит', *йәқәнләшитәрәдә* 'приближает', *чақәрә: dʒ* 'он зовет', *ғаләба* 'победа', *сақлап қалыш* 'сохранение', *қайтәдән* 'заново', *әвқат* 'пища'.

Смягчающее действие на *a* оказывает *й*: *йәрәқсәз* 'ненужный', *йәрәм* 'половина', *йәшә: йдә* 'он живет', *әйәлләр* 'женщины', *тәййәрләп* 'приготовив'. Сюда же следует отнести *a* > *ä* в основе *әйт* 'скажи', *әтмәйсән...* 'если ты не скажешь...'³

Однако в слове *жәй* 'место' статически преобладающим оказывается *ä*, а не *ä*, хотя последний и стоит перед *й*, например: *жәйләшитәрәш* 'размещение'. Насколько верным оказывается вариант *жәйләр* 'места' — сказать трудно.

Ср. случай редукции: *йеләнғ'ач* 'голый'.

Примеры на *ä*: *чәл әттәкә...* 'старик сказал, что...', *шәмәл* 'ветер', *сәнз дәдән йәмән пәккәр қылдә* 'твой отец дурно подумал', *әдәмләга* 'людям', *әзәп чеккәман* 'я мучился', *әв қыладәгән қышлә* 'люди, которые охотятся', *буйғә әлбәрдә* 'он повел к себе домой', *әввәлә* 'сначала', *әлән хәләс* 'взял и только', *сәмәнханәйә қәрәп* 'войдя в сеник', *тәмәннән* 'со стороны', *әзмәз* 'немного', *бәхәр* 'весна', *әрәл*

¹ В. В. Решетов. Маргеланский говор узбекского языка. „Изв. УзФАН СССР“, Ташкент, 1941, № 3, стр. 34.

² См. Н. К. Дмитриев. Фонетика „карамалицкогo“ языка в связи с другими османскими диалектами. „Записки Коллегии востоковедов“, т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 437.

³ Ср. влияние *p* на *a* > *ä* в слове *әрәләш* 'смесь'.

‘остров’, *чървâчълък* ‘скотоводство’, *âдâш* ‘конец’, *âтрâпкâ қарап* ‘смотря по сторонам’, *деқâнчълък* ‘сельское хозяйство’, *бâтқâғлък* ‘болотистое место’, *қâғâз* ‘бумага’, *дâвâл* (у отдельных лиц *дâвâл*) ‘стена, забор’, *пâхсâдâвâл* ‘глинобитная стена’.

Звук *â* сохраняется и в сочетании с *й* (без изменения его в *â*): *йâткâн* ‘он лежал’, *йâкъ* ‘нога’, *йâмғур* ‘дождь’, *йâғâч* ‘дерево’, *шâйъ* ‘шелк’.

Помимо влияния *й* на переход $a > â > ä$, можно назвать и другую, уже не чисто фонетическую, а морфологическую, причину появления *â* в первом слоге: в двусложных производных глаголах с вокализмом $a \dots a$ (т. е. содержащих *a* в обоих слогах) оба *a* меняются на *â*, например: *тâш* ‘камень’, но *тâшлâ* ‘бросай’, *тâшлâндъ* ‘отбросы’; *сâн* ‘число’, но *сâнйâ* ‘считай’. Аналогичное явление в одинаковой степени прослеживается и в ташкентском говоре; ср. еще ташк. *âз* < *аз* ‘мало’, но *âзгâнâ* ‘немножко’, андижанск. *âл* ‘возьми’, но *âлн* ‘возьмите’. Ташкентские дублиеты интересны в том отношении, что они подтверждают факт участия количественного момента (относительной длительности ∞ кратности) в дивергенции $a > â/ä$.

Из прочих особенностей следует указать на возможность значительной лабиализации *â*, что приводит к появлению звука типа *o* (resp. *ö*): *товъм йоқ* ‘мне нездоровится’, *товақ* ‘блюдо’, *ҳ’узла(р)дâ* ‘в прудах’, *âхурнъ чъдâ йотъптъ* ‘он лежит в кормушке для скота’, *ҳозър жувâб бер* ‘сейчас отвечай’.

Ср. в Вуадыле: *совъз* ‘морковь’, *бровдъкъ* ‘чей-то’¹.

Наманганский говор, наряду с основной массой прочих йекающих говоров узбекского языка (кроме хорезмского, икано-карабулакского), оказывается совершенно непоказательным в историко-фонетическом отношении для восстановления типично тюркских долгот гласных, которые продолжают сохраняться в якутском, туркменском языках и в упомянутых говорах узбекского языка. Имеющиеся же долготы в наманганском говоре находят себе объяснение в заместительном удлинении при падении смежных с гласными согласных звуков.

Вторичные (заместительные) долготы появляются в результате падения:

1) *p*: *бâ*: < *бâр* ‘есть’, *бâ*: *восун* ‘пусть будет’. Ср. в уйгурском *қа*: < *қар* ‘снег’, *a*: *па* < *арпа* ‘ячмень’;

2) *қ/к*: *сâтâмâн бу санду :нъ* ‘продам этот сундук’, *ора :нъ йчъмънâм* ‘концом серпа’, *керâ*: *йоқ* ‘не нужно’, *керâ*: *десâ* ‘если скажет — нужно’, *сййâ*: *лâрън* ‘твои кости’, *йо*: *оййâ келдê* ‘нет, он пришел домой’, *ешâ*: *дâк* ‘как ишак’, *таттъ*: *лâнъ* (< *тартъқлâнъ*) ‘подарки’, *ҳâр нучй*: *болсâйâм* ‘как бы там ни было’;

3) *v*: *су*: *вссâ* ‘если он выпьет воды’;

4) *ҳ*: *оз шâ*: *âръммъ* ‘свой город’, *ха*: *лâссâм* ‘если я пожелаю’, *гунâ*: ‘грех’;

5) *ғ*: *о*: *лунъзъзъ кâспъ нъмâ?* ‘чем занимается ваш сын?’, *пâдâчнъ о :лъ бâр едъ* ‘у пастуха был сын’, *қол бâ*: *лâп* ‘связав руки’;

6) *н*: *бâла-чақа :нъ âлп кел* ‘приведи своих ребятишек’, *чйшй :нъ тâ*: *бърънъ âссâм* ‘если я растолкую тебе твой сон’. Ср. еще: *мâнâ*

1. ك. يوداخيڭ واناڭ قىشلانغى لهجه سى حا قىندا بر نيجه سوز «مه عارف وَا»
стр. 50, № 7, «نوقوتوغوچى»

келтўрў:нā 'приведите ко мне', йўрў:нā қўзлā 'идемте, девушки', бърар нāсā (< нāрсā) берсā:нā мāнā 'дайте мне что-нибудь';

7) айна (ε) и хамзы: тā:бър 'истолкование, объяснение', ма:қул 'подходящий, хорошо, ладно', тā:зъм қўлп олтўддъ 'выказывал почтение', йā:нъ 'то есть';

8) в < бе: йāту:дѣ < йāтвдѣ < йāтѣб едѣ 'он лежал', дō:дъм < дōвдъм < дѣб едъм 'я сказал', йўрў:дѣ < йўрўвдѣ < йўрўб едѣ 'он ходил', о:лъ мāl бāқўб йўрў:дѣ 'сын его пас скот'.

Следует особо упомянуть о фонетической ультрадолготе (resp. эмфатическом удлинении), возникающей в формах настоящего-будущего времени и имеющей особую интонационную окраску, что позволяет отличить наманганское произношение указанной формы от произношения ее в прочих узбекских говорах. При этом появление фонетической ультрадолготы не связано с падением звуков или целых комплексов, как при возникновении стяженных форм типа дō:дъм; она возникает в связи с особой фразовой мелодией. Модуляции голосового тона в наманганском говоре осуществляются в широких пределах, например: мām бълмā:ймāн 'я не знаю', йўрā āлā:дѣ 'он сможет ходить', ышлāтā:дѣ 'он употребляет, применяет', дѣп болмā:йдѣ 'нельзя сказать'.

В данных примерах наблюдается отлого восходящая интонация с крутым падением на конечном слоге. Интонационное движение графически можно передать следующим образом:

кōпā::йдѣ 'увеличилось', кѣра::дѣ 'он войдет', сāнā сātмā::йдѣ
'он тебе не продаст', келе::дѣ 'он приедет', āйтā::дѣ 'он скажет',
кōрсātā::дѣ 'он покажет'.

Необходимо указать и на произношение типа: кѣрāдѣ: 'он войдет', қāмадѣ: 'не осталось', — которое, однако, не характерно в данном случае.

Ср. еще ташкентское произношение ко::п-йāхихъ 'очень хорошо', бā::р-ендѣ 'иди же', или произношение гласных при окликах — когда зовут кого-либо с более или менее далекого расстояния. В последнем случае выработалась особая стереотипная формация, обладающая вполне специфической мелодической характеристикой, например: турсун е::й турсун или турсун-у::.

Вопрос о продолжительности гласных уже затрагивался исследователями, но все выводы, сделанные на основании сугубо субъективного слуха одного исследователя, нуждаются, конечно, в тщательной проверке с помощью звукозаписывающих приборов¹.

Система наманганского консонантизма состоит из:

- а) губных — п, б, в, м;
- б) переднеязычных — т, д, с, з, ч, ш, ж, н, л, р;
- в) среднеязычного — й;
- г) заднеязычных — к (к'), г (г'), н, х, қ, ғ (ғ');
- д) гортанного — х.

Из перечисленных согласных считаем необходимым обратить внимание на следующие:

¹ П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке, „В. В. Бартольд“ . Ташкент, 1925, стр. 430.

1) Согласный *в* в начале слова реализуется как звук промежуточный между билабиальным *в* и губно-зубным *в*. Создается какой-то неясный звук, в котором трудно провести грань между губно-зубным и губно-зубным звуком. Начальный звук *в* можно было бы назвать унилабиальным. В середине и конце слова этот звук явно тяготеет к билабиальным звукам.

Выпадение звука *в* вызывает удлинение гласного; ср., например: *сүв* > *сү*: 'вода', но с аффиксом принадлежности — *сүйүң* 'его воду', где *в* > *й*; ср. еще: *йүвъләдә* > *йүйүләдә* 'моется', *йүвәнадә* > *йүйәнадә* 'умывается'.

2) Звук *ф* отсутствует в говоре — он возмещается фонемой *п*: *пәнәмъз* 'для нашей науки', *дәптәр* 'тетрадь', *шу пәкәрнә* 'эти мысли', *йәнәгъ хәптәсгә* 'на следующей неделе', *манәпес* 'манифест'.

В индивидуальном произношении звук *ф* (как в старом словарном пласте, так и в советско-интернациональной лексике) реализуется как взрывной звук с последующим придыханием, т. е. в виде среднего звука между *п* и *ф* с явным участием губ.

3) Переднеязычные *ш*, *л*, *р* производят впечатление палатализованных звуков; ср., например: *оху'аи'* 'похожий', *әл'әп* 'взяв', *әл'әи'* 'взятие', *бел'әхл'ар* 'рыбы', *бер'* 'дай'.

Особо следует выделить *р*. Реализуется он в виде переднеязычного дрожащего согласного. В индивидуальном произношении встречается картавое *р*, но это качество *р* мы оставляем неотмеченным. Очень неустойчивый звук, часто выпадает в произношении или подвергается ассимиляции. Отмечены случаи перехода *р* > *й*: *йопәрәмдә олтурған* 'сидевший против меня' (ср. в ташк. *ромал* || *йомал* 'платок'), *р* > *в*: *дувад-гәргә йус тәһә берәп* 'дав столяру сто танга'.

4) Согласный *ғ* спорадически реализуется как взрывной звук, обозначаемый нами через *ғ'* — смычный глубокозаднеязычный согласный звук, комбинаторно возникающий из *ғ* в позиции после носового, например: *қарғанғ'әдә* 'в темноте', *тойғ'уздәй* 'как свинья'.

5) Звук *х* — глухой, проточный. Часто возмещается звуком, промежуточным между *х* и *х'*, приближающимся к русскому палатализованному *х'*.

Звук *х* выпадает в произношении или переходит в *й*; ср., например: *сәләйәйм* 'и вам', *болсайәйм* 'хотя и будет', *мунғәйәйм* 'и это'.

1. Различные изменения согласных:

1) *қ* > *х* — *чәхмәй* 'не выходя', *қохмастан* 'не боясь', *халхнә гәчдә* 'в народе', *қәрх* 'сорок', *әхсәқәл* 'староста', *вахт* 'время', *мәхсәт* 'цель';

2) *к* > *х'* — *мәх'тәп* 'школа', *көх'рағ* 'грудь', *йүх'ләп* 'нагрузив', *еркәх'* 'мужчина', *әтәләх'* 'шефство';

3) *к* > *й* — *йәхшәлэй мәнәм* 'по-хорошему', *беядәпләйнә* 'неучтивость, невоспитанность';

4) *г* > *й* — *хат қолуғә тейдә* 'письмо попало ему в руки';

5) *б* > *в* — *үстүвәшгәнә чечәп* 'сняв одежду', *товәм йоқ* 'мне нездоровится', *вәсә* < *бәсә* 'если будет', *қәвлә* 'сторона' (куда обращаются мусульмане лицом во время молитвы);

6) *п* > *в* — *тевәсгә* 'на верх';

7) *ж* > *й* — *мәйләс* 'собрание';

8) *н* > *й* — *қоққанғәйнән* 'оттого, что ты испугался', *қәзәйнә* 'твою дочь', *бетәйнә* 'твое лицо', *хәзмәтәйдә* 'на твоей службе';

9) *х* > *қ* — *дараққә* 'на дерево', *масқара қәләп* 'насмехаясь';

- 10) $й > г$ — *кегън* 'затем, потом';
 11) $н > њ$ — *сѣнѣ* *беддѣм* 'я дал тебе', *он кѣлѣгъ йол* 'десятидневный путь', *кѣнѣ* 'в день', *отунѣ* 'за дровами';
 12) $н > м$ — *қачкѣм-болсѣ* 'если он убежал', *ом-беш кѣн* 'пятнадцать дней', *хѣйрѣм-болѣп* 'удивившись', *мѣм-берѣман* 'я дам';
 13) $л || н$ — *авѣ* *чѣқайнѣгъ* 'выйдемте-ка на охоту' (ср. в ташк. *берѣй-нук* 'дадимте-ка');
 14) $т || ч$ — *чѣш кѣрдѣм* 'я видел сон', *чѣшѣдѣ* 'во сне', *чѣшѣптѣ* 'он сошел, он слез' (ср. в ташк. *тѣш || чѣш* 'сойди'), *қолугѣ чѣшѣп* 'попав в его руки', *чѣссѣ* 'если сойдет';
 15) $с || ч$ — *чѣчқан* 'мышь';
 16) $р || л$ — *дѣвал* (спорадически *дѣвал*) 'стена';
 17) $с || ш$ — *шупургѣ* 'веник'.

2. Наманганский говор отличается большим количеством комбинаторных и факультативных изменений согласных звуков, возникающих главным образом с целью экономии произносительной энергии. Эти изменения приводят прежде всего к появлению ассимилированных и стяженных форм.

1) Прогрессивная ассимиляция: *бѣз + нѣ > бѣзѣзѣ* 'нас', *кѣр + нѣ > кѣррѣ* 'грязное бельѣ', *шѣ : ѣр + нѣ > шѣ : ѣррѣ* 'город', *қуш + нѣ > қушишѣ* 'птицу', *қѣзѣм + нѣ > қѣзѣммѣ* 'мою дочь', *йѣп + нѣ > йѣппѣ* 'разговор', *муш(т) + нѣ > мушишѣ* 'кулак', *хѣммѣмѣз + нѣ > хѣммѣмѣзѣзѣ* 'всех нас', *жувѣп + нѣ > жувѣппѣ* 'ответ', *мѣмлѣкѣт + нѣ > мѣмлѣкѣттѣ* 'государство', *жѣйѣм + нѣ > жѣйѣммѣгѣ* 'мое место', *тѣш + нѣ > тѣшишѣ* 'камень'.

Ср. еще лит.-орфограф. *хеч нима* 'ничего' || наманг. *хеч тѣмѣ > хѣштѣмѣ > ѣштѣма*.

Интересна намаганская форма повелительного наклонения 2-го лица: *келтѣрѣ : нѣ* 'приведите', *йѣрѣ : нѣ* 'идемте'. Эти формы соответствуют лит.-орфограф. *келтиринлар*, *юринлар*, в которых в намаганском говоре произошло уподобление бокового л носовому, а затем $н > й$, что подтверждается дублетом *келтѣрѣйнѣ*; выпадение же *й* привело к удлинению гласного звука.

2) Регрессивная ассимиляция (наибольший процент ассимилированных форм падает на основы, содержащие в себе р): *бердѣ > беддѣ* 'он дал', *турдѣ > туддѣ* 'он стоял', *бермасѣ > беммаса* 'если он не даст', *харѣдѣр > хаддѣр* 'покупатель', *йѣрдѣ > йѣддѣ* 'он шел', *кекѣрдѣк > кекѣттѣк* 'кадык', *бѣрлѣ > бѣллѣ* 'вместе', *берсѣ > бессѣ* 'если он даст', *бурнѣнѣ > буннѣнѣ* 'нос', *мѣртѣ > мѣттѣ* 'раз' (*бѣр мѣттѣ* 'один раз'), *қарнѣ > қаннѣ* 'желудок', *чақѣрдѣ > чақѣддѣ* 'позвал', *тѣрнақлѣ > тѣннѣлѣ* 'ногти', *орнѣм > оннѣм* 'мое место', *бѣрнѣмѣ > бѣннѣмѣ* 'что-нибудь', *олтѣрдѣ > олтѣддѣ* 'он сел', *ѣстѣлѣрнѣ > ѣстѣлѣннѣ* 'мастеров', *буйурдѣ > буйуддѣ* 'он приказал', *чѣшсѣ > чѣссѣ* 'если он сойдет', *ѣсѣ > ѣссѣ* 'если он выпьет', *мѣхкѣм > мѣккѣм* 'крепкий', *йѣқѣнлѣштѣ > йѣқѣлѣштѣ* 'он приблизился', *келѣсѣнмѣ > келѣсѣммѣ* 'придешь ли ты', *замѣнлѣрнѣ — замѣлѣлѣрнѣ* 'времена', *хѣтѣнлѣккѣ > хѣтѣлѣккѣ* 'в жены', *ѣтлѣс > ѣллѣс* 'атлас', *ѣ(й)тсѣм > ѣссѣм* 'если я скажу', *қѣчтѣ > қѣштѣ* 'он убежал', *ѣч-тѣр > ѣш-тѣр* 'три-четыре'.

3. Озвончение согласных: *қѣрқ > қѣрғ* 'сорок', *йѣқ > йѣғ* 'нет', *сѣйѣк > сѣйѣг* 'кость', *ѣйнѣк > ѣйнѣг* 'стекло', *тѣшкѣллѣк > тѣшкѣллѣг* 'ташкенец', *тѣрѣк > тѣрѣг* 'живой', *қѣлмақ > қѣлмағ* 'делать', *бѣр кѣллѣк > бѣр кѣллѣг* 'однодневный', *бѣлѣк > бѣлѣг* 'другой'.

4. При падении согласных происходит либо удлинение смежного с ним гласного, либо согласный исчезает бесследно, например: *боса* < *болса* 'если он будет', *кемуттё* < *келмуттё* 'он не придет', *ғъш* 'камень', *тўрийўз* < *тўрт йўз* 'четыреста', *а́льба́рдъ* < *а́льб ба́рдъ* 'он вел', *бёр на́са* < *бёр на́рса* 'что-нибудь', *да́стаха́н* < *да́ста́рха́н* 'скатерть', *қъхта* < *қърқұта* 'сорок', *а́льгъ* < *қу́а́льгъ* 'тот, упомянутый'.

Выпадает начальное *й* в слове *ёл* 'год', однако комплекс *йъ* в слове *йъйдё* 'он кушает' сохраняется. Особо подчеркивает выпадение *й* в основе *айт* 'скажи': *а́ттъкъ*... 'он сказал, что...', *а́тма́са́н* 'если ты не скажешь'.

Примеры на выпадение гласных и согласных: *бейда́* < *бу йерда́* 'здесь', *бъйегá* < *бу йерга́* 'сюда', *бақта* < *бу йақта́* 'здесь', *ънанкегън* < *унда́н кейън* 'после этого'.

II. НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

1. Показателем множественного числа (морфологический способ образования числа) выступает аффикс *-ла́* < *-лар*: *база́лла* 'базары' (рынки), *қъшлақла́* 'вышлаки' (сёла), *ада́лла* 'люди', *хатэ́лла* 'женщины', *қызла́* 'девушки', *татту:ла́нъ* 'подарки', *тънна́ла* 'ногти', *қылда́ла* 'они сделали', *қылса́ла* 'если они сделают'.

Значительно реже встречается аффикс *-ла́р* (т. е. с исходным согласным *р*); ср., например: *жайла́дан* 'с мест' и *жайла́нъшларё* 'их размещение'. Во втором случае исходный аффиксальный согласный сохраняется потому, что за ним следует аффикс принадлежности *ё*. Впрочем, возможно и независимое употребление *-ла́р*: *белъқлар* > *белъх́лар* 'рыбы', *қу́уэларда́* 'в бассейнах', *байэ́клардан* 'из богатств', *еръла́р* 'осы'.

Ср. другие фонетические варианты: *печла́рнъ* 'печи', *шъръклерга́* 'товарищам'.

В значении множественного числа употребляется форма *келъшитё*: *ада́лла келъшитё* 'люди пришли'; но *да́дам келда́ла* 'мой отец пришел'.

В морфологическом отношении интересна форма с аффиксом множественного числа от личного местоимения *сэъ* 'вы': *сэ́ла* > *сла́*, встречающаяся и в других говорах узбекского языка и в некоторых тюркских языках. Здесь от основного лексического элемента сохраняется только начальный согласный *с* — *сла́йайам* 'и вам'.

2. Аффиксы принадлежности сохраняют индифферентный дублет, например: *қъээм* 'моя дочь', *кэ́табън* 'твоя книга' и т. п.; *көзү* 'его глаза', *отуну́н* 'твои дрова', *қолу́* 'его рука', *ойу́* 'его дом'.

3. Наманганский говор, как и основная масса прочих йекающих говоров, не знает родительного (определительного) падежа с аффиксом *-нън*. В нем есть один сложный по своим функциям родительно-винительный падеж, с единым признаком (формантом *-нъ*)¹, например:

1) родительный падеж: *да́рийа́нъ орта́сда́* 'по середине реки', *ма́нъ э́шэм* 'моя работа', *са́нъ қъэ́йи́нъ* 'твою дочь', *ма́нъ қъэ́эмме́* 'мою дочь', *ора:нъ* *йъчъ* 'конец серпа', *па́да́чънъ о:ла́* 'сын пастуха';

¹ См. В. В. Решетов. Об одном узбекском падеже. „Тюркологический сборник“, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 176—183; ср. в кумыкском языке: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 55—56.

2) винительный падеж: *отун(нъ) келтъръ:нă* 'принесите дрова', *ора:нъ сăттѣ* 'продал серп', *қаравъллăнъ коддѣ* 'увидел сторожей', *хаттѣ жонăттѣ* 'отправил письмо'.

Ср. губной вариант аффикса — *қолуну* 'его руку'.

Наряду с аффиксальным *н* находим и полную прогрессивную ассимиляцию начального согласного аффикса, например: *ăттѣ бăшъ* 'голова лошади', *тăллъ бăргъ* 'листья тальника', *қызъ кѣтăбъ* 'книга девочки'.

4. Дательно-направительный и местный падежи строго разграничиваются.

5. В исходном падеже, наряду с аффиксом *-дăн*, факультативно-спорадически находим и архаичный вариант аффикса с гласным верхнего подъема *-дэн*: *кеткăндэн сон* 'после того, как ушел', *бидэн ешкă чѣқмăй* 'не выходя из дома'.

6. Интересно отметить наращение двух падежных аффиксов: *јуссудăнă* 'купил по три рубля'¹.

7. При числительных штучных к 7 и 8 иногда прибавляется слово *қур*: *бѣттă* 'один', *ѣттă* 'два', *јштă* 'три', *тѣттă* 'четыре', *бештă* 'пять', *ăлтѣттă* 'шесть', *еттѣ қур* 'семь', *сăккес қур* 'восемь'².

8. Числительные собирательные: *ѣкăлăсъ* 'двое', *јчăлăсъ* 'трое', *тѣртăлăсъ* 'четверо', *бешчăлăсъ* 'пятеро'.

9. Личные местоимения: *ман* 'я', *сăн* 'ты', *у* 'он'; *б(е)з* 'мы', *сѣз* 'вы', *јлă* 'они'. В родительно-винительном падеже в местоимениях *ман* и *сăн* гласный *ă* явно тяготеет в сторону *е*: *мăн* — *менъ*, *сăн* — *сенъ*.

10. Указательные местоимения *ошă* и *јшү* 'тот'. В сочетании с предметом употребляется *ошă* — *ошă кѣтăп* 'та книга', а в изоляции — *јшү*: *јшүнъ апкел* 'то принеси'.

11. В форме настоящего-будущего времени обращает на себя внимание интонация:

Положительная форма

шлă::ймăн 'я работаю', *шлă::йсăн* 'ты работаешь', *шлă::йдъ* 'он работает'.

Отрицательная форма

шлăмă::ймăн 'я не работаю', *шлăмă::йсăн* 'ты не работаешь', *шлăмă::йдъ* 'он не работает'.

12. Формы настоящего времени данного момента (Progressivi — лит.-орфограф. *боряпман* || ташк. *бăрвăммăн*:

Положительная форма

Ед. ч.: *кѣруттѣмăн* 'я вижу', *кѣруссăн*, *кѣруттѣ*; мн. ч.: *кѣруттѣмѣз* 'мы видим', *кѣруссăлă*, *кѣрушүттѣ*.

Ед. ч.: *қълүттѣман* 'я делаю', *қълүссăн*, *қълүттѣ*; мн. ч.: *қълүттѣмѣз* 'мы делаем', *қълүссăлă*, *қълүшүттѣ*.

¹ Ср. в ташк. говоре *котăрсăдăнăйă* (*котăрсăдăнă*) *нечпул берăсан?* 'Что стоит оптом?'

² *Қур-мăртă* 'раз'; ср. *тăпқур* || лит.-орфограф. *толқир*.

Отрицательная форма

Ед. ч.: *кóрмўттэмáн* 'я не вижу', *кóрмўссáн*, *кóрмўттэ*; мн. ч.: *кóрмўттэмэз* 'мы не видим', *кóрмўссéлá*, *кóрўшмўттэ*.

Ед. ч.: *қь(л)мўттэмáн* 'я не делаю', *қь(л)мўссáн*, *қь(л)мўттэ*; мн. ч.: *қь(л)мўттэмэз* 'мы не делаем', *қь(л)мўссéлá*, *қьэлшмўттэ*.

Основа на гласный звук — *шлá*:

Ед. ч.: *шлўттэмáн* 'я работаю', *шлўссáн*, *шлўттэ*; мн. ч.: *шлўттэмэз* 'мы работаем', *шлўссéлá*, *шлáшўттэ*.

13. Форма прошедшего определенного (лит.-орфограф. *кўрдим*):

Ед. ч.: *кóрдўм* 'я видел', *кóрдў́*, *кóрдэ*; мн. ч.: *кóрдўк* 'мы видели', *кóрдэ́нлá*, *ўлá кóрўштé*.

Ед. ч.: *қьлдэм* 'я делал', *қьлдэ́н*, *қьлдэ*; мн. ч.: *қьлдўк (-дэ́к)* 'мы делали', *қьлдэ́нлá*, *қьэлшштé*.

14. Форма первого прошедшего повествовательного (лит.-орфограф. *ишлаган эдим*):

Ед. ч.: *шлáгáндэм* 'я работал', *шлáгáндэ́н*, *шлў : дэ́*; мн. ч.: *шлáгáн эдэ́к* 'мы работали', *шлáгáн эдэ́нá*, *ўлá шлáшкáндэ́*.

15. Форма второго прошедшего повествовательного (лит.-орфограф. *ишлапман*):

Ед. ч.: *шлáммáн* 'я работал', *шлáпсáн*, *шлáптэ*; мн. ч.: *шлáпмэз* 'мы работали', *шлáпсéлá*, *шлáшпптэ*.

16. Форма третьего прошедшего повествовательного (лит.-орфограф. *бориб эдим*):

Ед. ч.: *бáрў : дэм* 'я ходил', *бáрў : дэ́н*, *бáрў : дэ́*; мн. ч.: *бáрў : дўк (-дэ́к)* 'мы ходили', *бáрў : дэ́нлá*, *бáрўшў : дэ́* (или *бáрўшкáндэ́*).

17. Будущее предположительное (лит.-орфограф. *келармиз*):

Положительная форма

Ед. ч.: *келáрмáн* 'я приду', *келáрсáн*, *келáр*; мн. ч.: *келáрмэз* 'мы придем', *келáрсéлá*, *ўлá келáр* (или *келшáр*).

Отрицательная форма

Ед. ч.: *келмáсмáн* 'я не приду', *келмáссáн*, *келмáс*; мн. ч.: *келмáсмэз* 'мы не придем', *келмáссéлá*, *ўлá келмáс* (или *келшмáс*).

18. Повелительно-желательная форма:

Ед. ч.: 1-е лицо — *бáрáй* 'пойду-ка я', *келáй* 'приду-ка я'; 2-е лицо — *бáр*, *бáрэ́н* 'иди', *кел*, *келэ́н* 'приди', 3-е лицо — *бáрсўн* 'пусть идет', *ке(л)сўн* 'пусть придет'.

Мн. ч.: 1-е лицо — *бáрáйлўк* 'пойдемте-ка мы', *келáйлўк* 'придемте-ка мы' (факультативно спорадически *-нўк : чэ́қáйнўк* или *чэ́қэп кетáнўк* 'выйдемте-ка мы'); 2-е лицо — *бáрэ́н* 'идите', *келэ́н* 'приходите' (ср. *кóрўн* 'смотрите'); *бáрэ́ : нá* 'идите', *келэ́ : нá* 'приходите' (ср. *йўрў : нá* 'идемте', *келтўрў : нá* 'принесите'); 3-е лицо — *бáрсўнлá* 'пусть они идут', *ке(л)сўнлá* 'пусть они придут'.

19. Условная форма настоящего-будущего времени (лит.-орфограф. *борсам*):

Ед. ч.: *бáрсáм* 'если я пойду', *бáрсáн*, *бáрсá*; мн. ч.: *бáрсáк* 'если мы пойдем', *бáрсá : нá*, *ўлá бáрсá* (или *бáрэ́шсá > бáрэ́ссá*).

20. Условно-сослагательная форма (лит.-орфограф. *ишлáсáм эди*):

Ед. ч.: *шилясамдъ* 'если я работал', *шилясайндъ*, *шилясаь едъ*; мн. ч.: *шилясайк едъ* 'если мы работали', *сла шилляса:на:дъ*, *ула шиллясе:дъ*.

21. Причастие настоящего-будущего времени (лит.-орфограф. *бора-диган*) в наманганском говоре имеет формант *-дъган:уръдъган* 'бьющий', *къладъган* 'делающий', *алъдъган* 'берущий', *йазъдъган* 'пишущий'.

22. Причастие настоящего времени данного момента (лит.-орфограф. *қилаётган*) имеет форму: *қълуткән* 'делающий', *бәрүткән* 'идущий', *шилүткән* 'работающий', *йазуткән* 'пишущий'.

23. Деепричастие прошедшего времени (лит.-орфограф. *ёзиб*): *шиллап* 'поработав', *эжп* 'засеяв', *болуп* 'будучи', *олтуруп* [∞ о(л)турп 'сев', *сойунуп* 'обрадовавшись'.

* * *

Мы дали перечень некоторых наиболее характерных особенностей наманганского говора узбекского языка. Даже самого поверхностного сопоставления перечисленных нами фактов с нормами литературного узбекского языка достаточно для суждения о наманганском говоре как об особой диалектной единице, отличающейся от установившегося литературного узбекского языка. Детальное изучение особенностей наманганского говора имеет большое значение как для узбекской диалектологии, так и для истории узбекского языка. Нужно полагать, что изучение его в сравнительно-историческом плане, прежде всего в сравнении с ташкентским говором и уйгурским языком, прольет свет на многие общие языковые явления и позволит более четко определить первоисточник, некогда легший в основу данной группы говоров.